

Сю Эжен

Вечный жид

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э28

Э28 **Эжен С.**
Вечный жид / Сю Эжен – М.: Книга по Требованию, 2023. – 91 с.

ISBN 978-5-519-76143-7

ISBN 978-5-519-76143-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

поливными лентами. Въ хмѣльный часъ, Филемонъ обыкновенно принимался созерцать этотъ костякъ и разсыпался въ самыхъ дифирамбическихъ монологахъ, но причинѣ этого философическаго сближенія между смертью и безумною веселостью жизни.

Двѣ или три маски, съ поломанными носами и подбородками, были прибиты къ стѣнѣ и доказывали, что Филемонъ, изъ любопытства, занимался подъ часъ и френологіей. Изъ глубокихъ и прилежныхъ изысканій по этому предмету, онъ извлекъ слѣдующее заключеніе: что такъ какъ у него сильно развита шишка займа, то онъ долженъ смиренно покоряться судьбѣ своей и окружать себя кредиторами, какъ необходимыми потребностями жизни.

На каминѣ красовался во всемъ своемъ величій гигантскій стаканъ лодочника; подлѣ него стояли фарфоровый чайникъ безъ носика и чернилница изъ чернаго дерева, отверстіе которой было до половины покрыто зеленоватою плесенью.

Время отъ времени тишина этого убѣжища прерывалась воркованіемъ голубковъ, которымъ Махровая-Роза отвела великодушно кабинетъ Филемона.

Забкая, какъ перепелка, она грѣлась у камина, и въ то-же время, казалось, съ удовольствіемъ ощущала пріятную теплоту солнечныхъ лучей, обливавшихъ ее золотистымъ свѣтомъ.

На ней былъ самый странный костюмъ, который, однакожъ, очень хорошо шелъ къ ея свѣженькому, семнадцатилѣтнему личику и головкѣ, съ прекрасными свѣтлорусыми волосами, съ самаго утра тщательно вычесанными и приглаженными.

Вмѣсто шлафрока, Роза надѣла на сорочку алую шерстяную рубашку Филемона, принадлежавшую къ его костюму лодочника; широкой отложной воротникъ рубашки выказывалъ ея чистое бѣлье, равно какъ ея прекрасную шейку, часть груди и плечики, столько свѣжія, плотныя и атласистыя, что, казалось, яркій цвѣтъ рубашки отражался въ бѣлой кожѣ молодой дѣвушки. Пухленькія ручки гризетки выставлялись до половины изъ-подъ широкихъ, засученныхъ рукавовъ мужской рубашки, а прекрасныя ножки ея, то-же до половины открытыя, въ бѣлыхъ, гладко натянутыхъ чулкахъ и въ маленькихъ полусапожкахъ, лежали одна на другой. Черный шелковый платокъ стягивалъ алую рубашку вокругъ пчелиной талии Махровой-Розы, и придавалъ этому костюму, который можетъ быть слишкомъ выказывалъ ея формы, самую оригинальную прелесть.

Мы сказали, что въ каминѣ, у котораго грѣлась Роза, было необыкновенное топливо. Посудите сами: дерзкая расточительница, за неимѣніемъ дровъ, затопила каминъ сапожными колодками Филемона, которыя, впрочемъ, горѣли съ удивительною правильностію.

Мы говорили также, что и завтракъ у Махровой-Розы былъ странный. И точно: на столѣ передъ ней стояла большая чашка, въ которую она недавно погружала свое хорошенькое личико, омывая его холодною и столько же, какъ оно, свѣжею водою; изъ этой чашки, превратившейся теперь въ салатникъ, Роза доставала, — надобно правду сказать, — просто пальчиками, большіе листы салата, крѣпко смоченные уксусомъ и зеленые, какъ роскошный лугъ; она грызла ихъ во всю мочь бѣлыми зубками, покрытыми такой эмалью, что притупить ихъ было-бы очень трудно; для питья она приготовила стаканъ воды съ смородинымъ сиропомъ, которую помѣнивала деревянною ложечкою, принадлежавшею первоначально къ горчишницѣ. Сверхъ того, въ голубой стеклянной чашечкѣ, въ какія обыкновенно кладутъ кольца, лежало около дюжины маслицъ и, вмѣсто десерту, орѣхи, которые она намѣревалась поджарить на раскаленной лопаткѣ.

Чтобъ при такой странной, дикой пищѣ, сохранить свѣжесть лица, достойную пазванія Махровой-Розы, для этого необходимо было одно изъ тѣхъ чудесъ, которыя открываютъ намъ могущество здоровья и молодости.

Раздѣлавшись съ салатомъ, Махровая-Роза собиралась приняться за оливки, какъ вдругъ кто-то тихо постучался у дверей, запертыхъ изнутри задвижкой.

— Кто тамъ? спросила Роза.

— Другъ, старый другъ! отвѣчалъ звучный, веселый голосъ. Что это вздумалось тебѣ за-
пираться?

— Прошу покорно! Это ты, Нини-Мельница?

— Да, любезная моя потомца. Отпирай по-
скорѣе, дѣло очень нужное!

— Легко сказать, отпирай! Показать какъ
я есть—прекрасно!

— Какъ ты есть, такъ ты гораздо лучше,
о прекраснѣйшая изъ всѣхъ махровыхъ розъ,
которыми Амуръ когда-либо украшалъ свои
стрѣлы!

— А еще толкуешь въ своемъ журналѣ о по-
стѣ и воздержаніи! сказала Роза, скидая съ себя
алую рубашку Филемона.

— Да долго-ли мы будемъ разговаривать въ
замочную скважину, къ назиданію сосѣдей? ска-
залъ Нини-Мельница. Подумай, что мнѣ нужно
поговорить съ тобою объ такомъ важномъ дѣ-
лѣ, что ты ахнешь отъ удивленія.

— Дай-же мнѣ хоть платье накинуть, толстый
шутъ!

— Если ты боишься оскорбить мою стыдли-
вость, то не безпокойся: я не красная дѣвуш-
ка и съ удовольствіемъ встрѣчу тебя, какъ ты
есть.

—И этотъ негодяй любимецъ всѣхъ ханжесъ! сказала Роза, отворяя дверь и застегивая платье вокругъ своей прелестной талии.

—Насилу-то вы, сударыня, изволили воротиться въ ваше гнѣздышко! Этакая прелестная пташка! сказалъ Нини-Мельница, сложивъ на груди руки и поглядывая на Розу съ комическою важностью. Откуда изволили явиться?... Вы вѣдь ужъ три дня не были дома!

—Въ самомъ дѣлѣ, я возвратилась только вчера вечеромъ, а ты вѣрно приходишь сюда безъ меня?

—Каждый день, раза по два, сударыня, потому-что мнѣ надо поговорить съ вами объ одномъ весьма важномъ дѣлѣ.

—Объ важномъ дѣлѣ!... Такъ вѣрно намъ придется порядкомъ поохотаться.

—Напротивъ, это дѣло очень серьезное, сказалъ Нини-Мельница, садясь. Но напередъ позвольте мнѣ спросить васъ, что вы изволили подѣлывать въ эти три дня, когда вздумалось вамъ отлучиться изъ дому вашего почтеннаго супруга, Филемона? Я долженъ знать объ этомъ прежде, нежели приступлю къ настоящему дѣлу.

—Хочешь маслинъ? сказала Роза, положивъ въ ротъ одивку.

—Хорошъ отвѣтъ!... Понимаю!... Несчастный Филемонъ!

—Тутъ нѣтъ никакого несчастнаго Филемона, клеветники!... У Клары въ домѣ былъ покойникъ, такъ въ первые дни послѣ похоронъ она боялась оставаться по ночамъ одна.

—Мнѣ кажется, Клара не такъ глупа, чтобъ этого бояться.

—Вотъ то-то ты и ошибаешься, толстый шутъ! Я гостила у этой бѣдняжки трое сутокъ, чтобъ ей не такъ было скучно.

Нравственный памфлетистъ съ недоверчивымъ и насмѣшливымъ видомъ началъ напѣвать сквозь зубы какую-то пѣсню.

—Такъ ты думаешь, что я приставила Филемону рога! вскричала Махровая-Роза, раскалывая орѣхъ съ негодованіемъ несправедливо подозреваемой добродѣтели.

—Рога не рога, а одинъ маленькой, хорошенькой рожокъ, цвѣту махровой розы.

—Говорять тебѣ, что я со всемъ не для собственнаго моего удовольствія отлучалась изъ дому; напротивъ, потому-что въ это время бѣдная Цефиза пропала....

—Да, придверница говорила мнѣ, что Вакханка отправилась путешествовать. Но я тебѣ говорю объ Филемонѣ, а ты толкуешь объ Цефизѣ.... это что-то нечисто.

—Пусть-же съѣсть меня черный пантеръ, котораго показываютъ у Сень-Мартенскихъ воротъ, если я говорю неправду!... А, кстати!... Нини, возьми два мѣста и сведи меня посмотреть этихъ звѣрей. Говорять, это ужасъ какіе миленькіе!

—Съ ума что-ли ты сошла?

—Какъ такъ?

—Руководствовать твою юность, какъ опытный дѣдушка, посреди тюльпановъ—болѣе или менѣе бурныхъ, я всегда готовъ, потому-что не рискую встрѣтить тамъ моихъ ханжей-покровителей; но повести тебя смотреть звѣрей въ постъ, когда нѣтъ никакихъ другихъ спектаклей!... Тамъ непременно встрѣчусь я съ иезуитами!... Хорошо-же я буду, когда они увидятъ меня, съ тобою подъ ручку!

—Надѣнь фальшивый носъ и пришей штрипки къ панталонамъ, такъ тебя и не узнаютъ.

—Тутъ дѣло не объ фальшивомъ носѣ, а объ томъ, что я долженъ сказать тебѣ, какъ скоро ты увѣришь меня, что у тебя нѣтъ никакой интрижки.

—Кланусь! сказала торжественно Махровая-Роза, протягивая горизонтально лѣвую руку, между тѣмъ какъ правою положила въ ротъ орѣхъ; потомъ, взглянувъ на пальто-сакъ Нини-Мельницы, она съ удивленіемъ прибавила:

—Ахъ, Боже мой! какъ у тебя раздулись карманы.... Что такое тамъ?

—Тутъ двѣ вещи, которыя касаются до тебя, Махровая-Роза, сказалъ съ важностью Дюмулень.

—До меня?

—Махровая-Роза! сказалъ торжественно Нини-Мельница, хочешь-ли ты имѣть экипажъ? Хочешь-ли промѣнять эту гадкую каморку на прекрасную квартиру? Хочешь-ли, наконецъ, одѣваться какъ герцогиня?

—Да полно врать!... Хочешь-ли ты маслинъ? А то всѣ съѣмъ: одна только и осталась.

Нини-Мельница, не отвѣчая на это гастрономическое предложеніе, запустилъ руку въ карманъ и, вынувъ оттуда футляръ съ хорошенькимъ браслетомъ, началъ вертѣть имъ передъ глазами Махровой-Розы.

—Ахъ, какой хорошенькой браслетъ! вскричала она, всплеснувъ своими маленькими ручками. Зеленая змѣя, которая держитъ во рту свой хвостъ! Эмблема моей любви къ Филемону!...

—Да перестань толковать объ своемъ Филемонѣ!... Это мнѣ мѣшаетъ, сказалъ Нини-Мельница, застегивая браслетъ на рукѣ Махровой-Розы, которая, между тѣмъ, хохотала какъ безумная.

—Тебѣ вѣрно препоручили сдѣлать эту покупку, толстый шутъ, а ты хочешь посмот-

рѣть, хороша-ли она на моей рукѣ? Ну что-жъ, браслетъ очень хорошъ!

—Махровая-Роза, продолжалъ Нини-Мельница, говори мнѣ, хочешь-ли ты или нѣтъ имѣть прислугу, ложу въ оперномъ театрѣ и тысячу франковъ въ мѣсяцъ на тоалетъ?

—Все та-же шутка!... Не лѣзя-ли начать другую, сказала молодая дѣвушка, рассматривая браслетъ и продолжая щелкать орѣхи.

Нини-Мельница, снова опустивъ руку въ карманъ, вынулъ оттуда прекрасную золотую цѣпочку и надѣлъ ее на шею Махровой-Розѣ.

—Что за чудесная цѣпочка! вскричала Роза, поглаживая поочередно то на блестящую цѣпочку, то на памфлетиста. Если и это ты-же выбралъ, то у тебя долженъ быть отличный вкусъ. Однако, что-жъ я, кукла что-ли, на которую надѣваютъ дорогія вещи на показъ?

—Махровая-Роза! сказалъ Нини-Мельница еще торжественнѣе прежняго, эти бездѣлицы ничего не значать въ сравненіи съ тѣми, какія ты можешь имѣть, если послушаешься совѣтовъ твоего стараго друга.

Махровая-Роза съ удивленіемъ посмотрѣла на Дюмулева и сказала ему:

—Что-жъ это значитъ, Нини-Мельница?... Говори яснѣе!... Что за совѣты?

Дюмулень ничего не отвѣчалъ, опять запустилъ руку въ свои неистощимые карманы, вынулъ оттуда какой-то узелокъ и осторожно развернулъ его: то была великолѣпная мантилья изъ чернаго кружева.

Роза съ величайшимъ изумленіемъ вскочила со стула. Дюмулень ловко набросилъ богатую мантилью на плеча молодой дѣвушки.

—Чудо какъ хороша! отъ-роду такой не видывала!... Какой рисунокъ!... Что за шитье! сказала Махровая-Роза, рассматривая вещи съ простодушнымъ и, надобно сказать, совершенно безкорыстнымъ любопытствомъ.

—Да видно у тебя въ карманѣ цѣлая лавка! прибавила она. Откуда ты это набралъ?

Потомъ вдругъ покатила со смѣху, такъ что хорошенькое личико ея покрылось яркимъ румянцемъ.

—А, теперь я угадала! вскричала она. Это свадебная корзинка для мадамъ де-Сень-Колombs!... Честь имѣю поздравить!... Вотъ такъ ужъ славный выборъ!

—А гдѣ мнѣ прикажешь взять столько денегъ, чтобъ закупить такихъ прекрасныхъ вещей? сказалъ Нини-Мельница. Повторяю тебѣ, что все это твое, если ты хочешь и если станешь меня слушаться.

—Ты въ самомъ дѣлѣ говоришь это? спросила Роза съ величайшимъ удивленіемъ.